

Позарез были нужны деньги. Позарез. И где их взять? Не воровать же и не на панель идти. Оставалось одно проверенное средство — заработать. Маша поистязала газеты, выискивая объявления, но ничего подходящего так и не смогла найти. Тогда она вспомнила о своей подруге Даше, которая устроилась в фирму к родственникам. С недавнего времени у Даши стали водиться немалые деньги. Ничем криминальным эта фирма не занималась — продавала обои на различных торговых точках. Зарплата сдельная и выдавалась сразу в тот же день. Даша давно звала подругу подзаработать, но Маша стеснялась. Она считала зазорным работать в уличной торговле и всячески отнекивалась. А тут позвонила сама и согласилась.

Торговать нужно было в Омске, Маша жила в небольшом городке по соседству. На первой электричке она за час доехала до областного вокзала, где ее встречал Славик, развозчик продавцов и товара по торговым точкам. Верный слуга своих хозяев, лицо, приближенное к ним, он свысока смотрел на продавцов. Маша не стала исключением. Друг другу они не понравились. Маше Славик своими гнилыми зубами и надменностью, Славику Маша своей воспитанностью и скромностью.

— Не навариваться и не воровать, — первое, что сказал он.

— Как я обои утащу? Разве вы не заметите, — удивленно пролепетала Маша.

— Продавать по той цене, по которой товар выставлен, — сухо продолжал диктовать условия «шишка на ровном месте». — У нас ценовая политика особая. За-

Наталья
РОМАНОВА

г. Москва

ИЗЫСКАЯ
ВЫЖИВАЮТ

рассказ

высишь цену — пойдут к конкурентам, всё у них скупят.

— А если будут просить сбросить? Люди ведь любят торговаться.

— Хочешь — сбрасывай, только со своих процентов. Кстати, тебе с каждого рулона идет десятка. Десять рулонов продала — сотка.

— А если ничего не продала?

— Тогда с тебя вычтут за место.

— И ничего не заплатят? — ужаснулась Маша.

— А ты как хотела? — усмехнулся Славик. — Торговать-то умеешь? Раньше торговала?

— Ага, — ответила Маша, делая вид, что равнодушно смотрит в окно.

Торговать она не умела, хотя ей приходилось один раз стоять за прилавком. Это было самым страшным позором в ее жизни. На бабушкиной даче в больших количествах росли кусты смородины, видимо-невидимо, сплошь обсыпанные ягодами. Когда Василина Игнатьевна вдоволь наварится варенья, назакатывается компотов, излишки ягод шли на рынок. Бабушка продавала ягоды, а деньги откладывала на перегонной, удобрения, то есть на дачу. Старушка гордилась тем, что дача и сама себя кормит, и их с Машей. В один из дней лета Василина Игнатьевна приболела. А смородина на продажу уже была собрана.

— Придется тебе, деточка, идти торговать, — сказала бабушка двенадцатилетней внучке.

Маша в тот день тоже притворилась больной — лишь бы не идти на рынок. Но на следующий день старушка захныкала, что собранная смородина скоро потечет или забродит, а значит, и денежки тю-тю. Пообещала дать немного денег внучке на карманные расходы. Девочке скрепя сердце пришлось тащиться на рынок. Ноги не слушались. Едва она пришла на рабочее место, то поняла, что там ее никто не ждал.

— Ты чего сюда встала? Кто тебе разрешил? — наехала тётка с огурцами.

— А куда можно? — вежливо спросила девочка.

— А где ты вчера стояла?

— Нигде, — ответила Маша.

— Место на тебя занимали?

— Не знаю.

— Тогда чего ты сюда приперлась? Здесь все давно распределено, — сказала нахальная тётка

и, отодвинув ведро Машиной смородины, принялась раскладывать кучками огурцы. Машу оттесняли все дальше и дальше, пока она не оказалась чуть ли не на задворках торгового ряда.

— У меня бабушка тут торгует, — едва не плача сказала Маша, — она-то всегда себе место найдет, а я первый раз.

— Наглее надо быть, а то заклюют, — посоветовала ей соседка, — локтями приходится дорого пробивать.

Маша посмотрела на свои локти и призадумалась.

— Почём смородина? — спросил подошедший покупатель, пробуя ягоду.

Маша робко ответила.

— Издеваешься, что ли? Ей красная цена вполовину меньше.

Маша пожала плечами.

— Мне сказали за столько продавать.

Следующий покупатель, пробуя, наоборот, сказал, что смородина подозрительно дешевая. С каждым недовольным покупателем девочка словно становилась меньше, вжимаясь в землю.

— Кислая, — морщился один.

— Мелкая, — плевался другой.

Эх, будь у Маши деньги, она бы купила сама это ведро у себя. Когда проходили знакомые, девочка пряталась под прилавок, было очень стыдно, что она стоит и торгует на базаре. К середине дня Маша не продала ни горсточки ягод, и соседка, сжалившись над девочкой, решила скупить у нее смородину, но по самой низкой цене.

— А что ты хотела? Опт есть опт.

Маша представила, как ей влетит от бабушки за те копейки, вырученные от продажи смородины, но ей влетит ещё больше, если она с полным ведром вернется домой, и Маша, вздохнув, согласилась на сделку.

И вот снова, спустя несколько лет, ей предстояла торговля.

Славик с Машей подъехали к рынку. Водитель выгрузил коробки с обоями из машины на землю.

— Пойду поищу место.

Маша озиралась по сторонам. Скорее бы кончился день и все осталось позади. И рынок, и Славик, и обои.

Слава ходил долго, но место нашёл. Маша, взяв одну из коробок, уныло поплелась вслед за ним.

— Я здесь буду торговать? — Она была в растерянности, когда увидела, что рабочее место — небольшой кусочек земли возле забора.

— Что тебе не нравится?

— Так здесь даже прилавка нет!

— Ну что есть, то есть. Сюда засунуться — ещё умудриться надо! Договариваться пришлось с самим начальником охраны. Здесь будем торговать впервые. Испробуем, что за рынок. Поэтому места, разумеется, нет и не скоро появится. Здесь уже давным-давно все застолблено.

— А если мы чьё-то заняли место?

— Ну, пусть раньше приходит. К тому же у меня договоренность насчет этого клочка земли.

Славик объяснил, какие обои в какой коробке, сколько стоит тот или иной рулон, немного сообщил о производителе.

— А документы?

— Какие документы? Нет никаких документов.

— А если проверка?

— Придумаешь что-нибудь. Скажи, что продавец отошёл и попросил покараулить товар. В общем, выкрутишься. Ну всё, я уехал. В шесть буду.

Маша осталась одна с кучей коробок. Для начала подсчитала количество рулонов обоев, по одному достала на образцы, после этого уселась на коробку и, волнуясь, принялась ждать покупателя.

— Чьи обои? — спросил подошедший мужчина.

— Мои, — заикаясь, сказала Маша, а у самой в голове — зря сказала, может, это проверка.

— Производство чьё?

— Германия. Обои фирмы «Раш». Очень качественные. Есть для спальни, кухни, гостиной, офиса. Бумажные, виниловые, флизелиновые, текстильные, обои под покраску, — тараторила Маша, но мужчина уже показывал спину с белой надписью «Обмани прохожего, на тебя похожего» на черной футболке.

«Наверное, слишком навязчиво я предлагала товар», — укорила себя Маша. На следующего покупателя девушка не обращала внимания, делая вид, что ей слишком все равно до него.

— Почему?

— Разные цены.

— А эти почему?

Маша назвала цену.

— Дешевле есть?

— Кажется, есть, — зевнула она.

— Как варёная! — возмутился покупатель. — Из тебя все клещами приходится вытаскивать. «Это у меня подход такой», — подумала Маша, смотря на удаляющегося покупателя.

Народу было мало. Сновали продавцы, среди которых оказалось много цыган. Они выгружали товар, доставая его из клетчатых сумок. Места возле Маши, пустовавшие доселе, оказались вмиг занятыми. Цыганки суетились, громко кричали, размахивали руками. Мужчины держались степеннее, порой прикрывая на тех, кто в юбке, и сплевывая между зубов. Они были одеты в яркие рубахи малиновых, алых, синих цветов. Молоденькие цыганочки то смеялись-веселились, то, надув губы, стервозно перебирали товар.

— Это ещё что такое? — подошла к Марии цыганка и разразилась бранной речью. — Ты откуда взялась? Проваливай! Это наши места. Тэ скарин ман дэвэл!

Глаза ее гневно сверкали и с ненавистью смотрели на Машу.

— Меня сюда поставили! — вступилась Маша за себя. — Начальник! — добавила она. — Не верите — сами спросите.

Видимо, эти слова возымели действие.

Всё утро мимо нее проходили цыгане и что-то презрительно говорили в ее адрес. Она заняла одно из их мест, но выгонять ее оттуда боялись, поскольку совсем недавно на этом рынке у цыган был конфликт с руководством из-за жалоб покупателей, и продавцы вели себя пока тише воды ниже травы, не приставая к покупателям и не вступая с ними в склоки. Но Маша к покупателям не относилась, поэтому к ней они были вовсе не ласковы.

День разгорался. Становилось жарко. Маше хотелось пить. Ее соседка отправилась в ларек купить себе воды.

— Купите, пожалуйста, и мне, — попросила Мария.

— Ещё чего, — буркнула цыганка.

¹ Чтoб тебя Бог покарал!

– Мэ тут мангава, – сказала Маша, что означало «я прошу тебя».

Цыганка с удивлением посмотрела на девушку. Маша же вовсе старалась, чтобы ее взгляд выражал полную невозмутимость. Она знала несколько цыганских фраз, а всё потому, что в их дворе жила обрусевшая, но всё же цыганская семья. И Маше захотелось выучить тогда этот язык, но всё так и осталось на уровне желания.

– Повтори! – приказала цыганка.

– Мэ тут мангава.

– Ты знаешь цыганский? Откуда?

Маша стеснительно улыбнулась, а цыганка тем временем метнулась за водой. Вернулась она не одна, с ней ещё пять женщин в цветастых одеждах, которые недоверчиво смотрели на белокурую Машу.

– Пхен, сыр тут кхарна²?

– Маша, – ответила Маша.

Цыганки переглянулись.

– Пхэн, кон ту? Ромны или гаджэ³?

Вторую часть фразы Маша поняла, ее спрашивали, цыганка она или нет. Однако ее цыганский ограничивался несколькими самыми необходимыми словами. Нужно было что-то предпринимать.

– Ромны, – подтвердила Маша, – наполовину.

Цыганки посмотрели на нее с интересом.

– Расскажи!

Девушка задумалась, взор ее затуманился, она некоторое время смотрела вдаль, после чего начала свой рассказ.

– Дело было так. Моя мама была цыганкой.

Женщины обступили Машу плотным кольцом.

– Так вот, – продолжила девушка, – она была очень красивая, как все цыганки, но...

Цыганки загудели, кивая в знак согласия, хотя красивыми их было назвать трудно.

– Тихо! – топнула на них девушка по имени Роза. – Продолжай!

– Но она была красивее всех своих соплеменниц. Как говорят испанцы, красивой считается та женщина....

– При чем тут испанцы? – пожала плечами Роза, но теперь уже зашикали на нее.

– Три вещи у нее должны быть черные – глаза, брови и волосы, три тонкие – пальцы, губы и волосы и ещё много чего по три.

– Как звали ее?

– Эсмеральда, – назвала Маша первое пришедшее на ум имя.

Цыганки восхищенно зацокали языками.

– Моя мама обладала такой красотой, что, повстречавшись с ней единожды, ее нельзя было забыть. Она магически действовала на мужчин, и многие теряли голову от любви к Эсмеральде.

Маша задумалась.

– Дальше, – потребовали слушательницы.

– Эсмеральда была невестой цыганского барона. Барон был намного старше ее. Он очень любил эту прекрасную молодую женщину, окружил роскошью, но незадолго до свадьбы Эсмеральда встретила красивого и смелого мужчину. Он был русский, но это обстоятельство нисколько не смутило Эсмеральду, ведь они с Эдуардом, так звали этого человека, полюбили друг друга, и Эсмеральда сбежала с ним.

– Какой позор для барона!

– Да, – согласилась Маша, – барон сам лично бросился на поиски беглянки. Он нашёл ее и потребовал вернуться. Но Эсмеральда была непреклонна. Она не захотела покинуть своего Эдуарда, за что чуть не поплатилась жизнью, потому что барон хотел ее убить.

Маша прервала рассказ и посмотрела на цыганок, те ждали продолжения повествования.

– Он хотел ее убить, но Эдуард был гораздо проворнее, он бросился прямо на бароновский нож, выбил его из рук нападателя и...

– И?

– И воткнул в мягкое тело цыганского барона. Цыганки ахнули.

– Выжил?

Маша замотала головой.

– Где это было? Я что-то не слышала такой истории, – сказала пожилая цыганка.

– В Румынии, – не моргнув глазом, ответила Маша.

– А Эдуард – твой отец?

– Даде⁴, – подтвердила девушка.

– Отчаянный!

² Скажи, как тебя зовут?

³ Скажи, кто ты? Цыганка или нет?

⁴ Дад (*цыг.*) – отец.

— Не знаю, как им удалось уладить дело с убийством барона, но после этого они приехали в Россию и сразу же поженились, хотя родители Эдуарда были против. Родилась я. А потом, — Маша тяжело вздохнула, — Эсмеральда влюбилась в одного циркача. Он метал ножи.... Эдуард узнал об этом от своего друга, который тоже был циркачом. Он пошёл на представление и увидел там Эсмеральду, сидящую в первом ряду и смотрящую особенным взглядом на этого метальщика во время его выступления. Тот взгляд Эдуарду хорошо был известен... Дикая необузданная страсть сверкала в том взгляде. А в конце своего выступления метальщик преподнес цветок Эсмеральде, и она украсила им волосы. Красная роза в чёрных, словно ночь, волосах была для Эдуарда словно красная тряпка для быка. После этого состоялось бурное выяснение отношений. Эсмеральда сказала ему, что больше его не любит, что полюбила храброго циркача и что она уходит от Эдуарда. Эдуард на коленях упрашивал ее остаться, но Эсмеральда этого делать не собиралась. Тогда ревнивец в ярости схватил Эсмеральду и стал душить. Она попыталась было высвободиться, но не тут-то было. Его крепкие пальцы обхватили ее горло, словно щупальца гигантского осьминога. Через мгновение все было кончено. Эдуард проплакал над телом Эсмеральды, потом похоронил ее в лесу, вырыв яму. Ножом. После этого отдался в руки правосудия. Он во всем сознался и даже рассказал про барона. Единственное, что утаил, так это где могила Эсмеральды. Его присудили к смертной казни. А меня воспитывали бабушка и дедушка — мать и отец Эдуарда. Они скрывали от всех, что я цыганка, и запрещали мне учить цыганский язык.

С этими словами Маша закончила рассказ, глаза ее были влажными от слез. Цыганки смотрели на девушку не мигая, пребывая под сильными впечатлениями от услышанного.

За последнее время к Маше не подошло ни одного покупателя. Возможно, их отпугивало скопище цыганок.

— Ой, заболталась я с вами, а у меня ещё ничего не продано! — заволновалась Мария.

— Не беспокойся, сейчас продашь! — самая старшая из цыганок, что-то нашептывая себе

под нос, трижды обошла Машин товар, потом поплевала и снова обошла коробки, но уже с другой стороны.

— Дай монету, лучше рубль, — попросила она.

Маша кое-как нашла рубль. Цыганка и на него что-то нашептала, потом положила под коробку с товаром и велела продавцу обоями после первой продажи положить этот рубль обратно в кошелек.

— Он деньги будет заманивать, — пояснила цыганка.

Маша усмехнулась. Неужели это поможет? Но, к удивлению девушки, торговля пошла бойко. То ли заговор цыганки помог, то ли товар был хорош.

Через какое-то время цыганки, увидев, что у Маши коробок стало наполовину меньше, вдруг всполошились.

— А ну-ка покажи свой товар!

Все хорошие расцветки были выбраны. Оставались, на Машин вкус, да и большинства покупателей, самые нелепые.

— Зачем смолчала, что у тебя такие нарядные обои, ещё цыганка называется! — завозмущались женщины в голос. — Сколько стоят?

Маша назвала цену.

— Дешевле отдашь?

— Не могу.

— Много возьмем!

— Не могу я дешевле. Не велено мне цены скидывать.

«Надо было назвать цену подороже, а потом скинуть, — подумала Маша. — Эх, умная мысль приходит опосля».

Цыганки тем временем не унимались, требуя скидку.

— Все коробки заберем, — обещали они, — все десять штук.

— Ладно, валяйте! — махнула рукой Маша, согласившись продать оставшиеся обои подешевле.

Когда к вечеру приехал Славик, он, увидев отсутствие коробок, сначала страшно испугался.

— Изъяли товар? Проверка была?

— Нет, — покачала головой Маша. — Продала.

— Как продала? — не поверил Славик.

Маша достала пачку денег.

— У тебя было тридцать коробок по двадцать рулонов. Итого шестьсот рулонов. И ты все продала?

Маша кивнула.

— Такое первый раз за все время! У нас был однажды рекорд с одной точки сто два рулона, а тут шестьсот! Ты почему их продавала? — насторожился Славик.

— Как было велено. Только оставшиеся десять коробок с такими ляпистыми обоями я продала чуть дешевле, да и то потому, что их оптом брали.

— Какие ляпистые? Какой их номер?

— Семьсот двадцатый.

— Умница, — завопил Славик, — эту безвкусицу никто не покупал. Мы за все время ни одной из десяти коробок так и не продали. Я тебе их специально сунул. Ты ведь не знала, что это зависалово. Ну ты, Машка, даешь! — восхищался Славик.

— А на других точках как? — равнодушно поинтересовалась Мария.

— По-разному. Где десять рулонов, где пятнадцать, а на одной точке, причем в самом центре, так вообще четыре рулона продано. Один покупатель был за весь день, остальные жмотились. А ты шикарно поработала, — улыбаясь, сказал потенциальный клиент стоматологического кабинета.

— Не густо, — посочувствовала Маша. — Как насчет завтра?

Несмотря на то что Мария заработала за день приличную сумму, торговать на этом рынке ей больше не хотелось, всё-таки она побаивалась, что ее цыганки разоблачат. Не жди тогда пошады.... Наколдуют ещё чего-нибудь. Но если Славик попросит выйти поработать, отказать ему ей будет неудобно, хотя и проблема с деньгами уже решена.

— Вечером позвоню, договоримся, — уклончиво ответил Славик.

Но вечером звонка не последовало. Славик позвонил на следующий день. На вопрос, почему не позвонил вчера, он замялся и не нашёлся что ответить. Зато стал расхваливать Машу, говорить, какая она звезда торговли и как хозяева ею довольны.

— Представляешь, сегодня на твоём месте стояла Олька-толкачка, пятый год у нас работает, на самом прикормленном месте, по пятьдесят рулонов шпарит. Мы решили ее сегодня поставить на тот рынок, где ты вчера бесчин-

ствовала. Это ж надо шестьсот рулонов! — елеинным голосом восхищался Славик.

— И что эта Олька? Много продала?

— Да брось ты! Ни одного рулона!

— Ни одного?

— Мы сами в шоке! Она-то уж маститая торгашка. А тут ни одного. Да и цыгане одолели. Она с ними весь день собачилась. Ноги ее, говорит, не будет больше на том рынке. Значит, завтра, как в прошлый раз, встречаемся на вокзале?

— Нет.

— Нет? Почему? Не можешь? Давай послезавтра.

— Нет, — последовал ответ тверже предыдущего.

— Почему нет?

— Пусть ваша толкашка там работает, — сказала Маша и положила трубку.

Через месяц она вновь ехала в Омск на электричке. Неожиданно нос к носу Мария столкнулась с Розой, с которой познакомилась на рынке, когда торговала обоями. Девушки разговорились.

— Думаешь, мы поверили, что ты цыганка, — под конец разговора сказала Роза, перебрасывая чернящие волосы с одного плеча на другое. — Не цыганка ты, так ведь?

Маша сжалась.

— Не цыганка, — пролепетала она.

— Но ты... ты все равно цыганка! — Роза внимательно посмотрела на Машу, а Мария же, наоборот, недоверчиво.

— Так кто я, цыганка или не цыганка? Ромны или гаджё?

— Ромны! — засмеялась Роза. — Да ещё какая цыганка! Так красиво врать только мы умеем.

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ

рассказ

Костюм был хорош. Как произведение искусства. Словно его сотворил не портной, а изваял скульптор. Взял ткань, отсек все лишнее, и получилось швейное чудо.

Лукерья Петровна, увидев костюм, расплакалась. Мозолистой рукой она вытирала неловкие слезы. Сила крепкой материнской руки была ей как знакома Лешке. Если она ударяла его по мягкому месту, это так больно, словно Лукерья Петровна припечатывала Лешкин зад разделочной доской.

Видя материны слезы, Лешка не знал, как себя вести. Он переминался с ноги на ногу и неуклюже улыбался.

— Ну, чего улыбишься? — Афанасий Петрович беззлобно и небожно ткнул кулаком в плечо племяннику, но Лешка слегка покачнулся. — Еле на ногах стоишь! Худина ты этакая!

— Хорошо, что не скотина! — Лешка засмеялся от своей находчивости. — Дядя Афанасий, ты который год живешь в городе, а все наши словечки потребляешь.

— Ты прав, Лешка, деревню из меня не вытравить. Нравится костюм-то? А то матушка твоя рыдает как по покойнику.

— Афонька, ну тебя! — Лукерья отвернулась и вытерла слезы. — Скажешь тоже. Лешка, а ты чего дядечке своему не благодарствуешь? Кланяйся, кланяйся!

— Лукерья, да полно тебе! Поклоны это раньше барам отвешивали, а мы советские люди, и нам замашки крепостнического устроения ни к чему.

— Как не нравится, дядя Афанасий? Как не нравится? Очень нравится! Аж дух захватывает!

Лешка провел рукой по пиджаку:

— Гладкий!

— А где ты занозистый костюм видел? — прыснул Афанасий Петрович.

Лешка снова погладил рукой пиджак.

— Чего ты его наглаживаешь? — заругалась Лукерья Петровна. — Пятно поставишь!

— Руки чистые. — Лешка на всякий случай еще раз обтер их об штаны.

— Чистые! А земля под ногтями!

Лешка хотел что-то возразить, но зная, что матери перечить нельзя, передумал.

— Сходить руки помыть?

— А чо их мыть? Хоть мой, хоть не мой, а костюм больше не лап.

— Здрасьте! — Афанасий Петрович удивленно посмотрел на сестру. — А мерить как?

— А чего костюму примерки устраивать? И так видно, что ладно будет.

— Нет, примерить надо. Вдруг он Лешке мал?

— Похудеет! — отрезала Лукерья Петровна.

— А вдруг большой?

— Отожрется.

— Лукерья, но ведь...

Лукерья Петровна не дала брату договорить:

— Костюм не дам надевать. Уберу его в сундук, и пусть там лежит. До свадьбы. Начнет надевать на себя, порвет или пятно поставит. Чо ли я сына родного не знаю. Давеча надел новую рубаху. Со ступеней стал спускаться, навернулся. И чо ты думаешь, Афанасий? Порвал! Порвал, стервец. У меня сердце слезою изошло. А ему хоть бы хны.

Лешка долго не забудет тот подзатыльник за порванную рубаху. Уж слишком от души он

был подарен матерью. Сейчас он и не пытался просить надеть костюм. Все равно не даст. Рассвирепеет еще больше и не только порванную рубаху припомнит.

Целую неделю шли смотрины костюма. Приходили соседки с дочками, и каждый раз Лукерья Петровна с важностью, неторопливо открывала сундук, доставала из него небольшой тюк, развязывала его и демонстрировала всем костюм.

— Хорош! — охали бабы.

— А ткань-то! Как называется?

— Хишимир, — со знанием дела отвечала Лукерья.

— Щедрый у тебя братец! Город не испортил мужика нашего. Деревенского.

— А Лешка-то, наверное, совсем красавец в такой одежке!

— Придет время, наденет! До женихов еще не дорос.

— Не скажи, Лукерья! Скоро осемнадцать годков.

— Жениться — дело не хитрое. По душе жену выбирать-то надо.

— Ему Мария нравится, — сказала Дашка, дочь Аграфены Кузовлевой, — только, тетка Лукерья, я не выдавала вам Лешку.

— Мария? — вскинула бровь Лукерья. — Что за Мария?

— Тимохи дочь.

— Тимохи? Пьяницы тово?

— Так Мария не пьет. Тихая. Скромная.

— Не дам я ему на свадьбу с дочкой Тимохи костюм! Другую найдет! И вообще, чо разговор про свадьбу завели? Поговорить не о чем? Разглядели наряд? Убираю его.

Бабы провожали костюм печальным взглядом. У их-то сыновей не будет таких костюмов на свадьбу, и у дочерей навряд ли женихи будут щеголять в таком виде.

Время от времени Лукерья открывала сундук и смотрела на костюм. Представляла, как женит сына, какой Лешка справный жених, как на нем сидит этот костюм.

Лешка и сам тайком от матери разглядывал костюм. Он думал о Марии и что непременно женится на ней. Ему очень хотелось примерить костюм, но было как-то боязно. Он даже, чтобы не искушать себя, придумал, что если

наденет костюм, то не женится на Марии, потому крепился и глушил свое любопытство.

Война стала бить по всем и сразу. Алексея Волобуева призвали на фронт одним из первых в деревне. В мае ему исполнилось восемнадцать лет. Друзья, которым было чуть меньше и по возрасту их не брали в армию, завидовали Лешке и по-белому, и по-черному.

Каждое письмо, приходившее с фронта, читали хором на бабий лад с причитаниями и присказками.

— Чтoб ни дна ни покрышки супостату этому, Гитлюре проклятой.

— Робятки наши гибнут, поля засеваем, кто исть будет?

— Немец к Москве рвется. Боюсь я, бабоньки, а никак возьмут ее?

— Типун тебе на язык, дура! — Лукерья Петровна замахнулась полотенцем на Аграфену. — Не взять им Москвы. Руки длины не той.

Первая похоронка в деревне пришла в дом Тимохи. Погиб смертью храбрых. Так было написано на маленьком листочке, который крутила в руках его дочка Мария, жизнь ее теперь разделилась на — с отцом и без отца.

— Прости нас, Тимофей. Мы всё пьянь да пьянь на него, — говорили бабы, — а он погиб геройски.

— Ты заходи, Машенька, заходи ко мне, — Лукерья Петровна неловко приобняла Марию, — даст бог, невесткой станешь. У нас и костюм на свадьбу есть. Война кончится, придет Алексей с фронта — поженю вас. Знаешь какую свадьбу устроим!

— Пришел бы только, — тяжело и по-бабы вздохнула семнадцатилетняя Дашка, подружка Марии, но Лукерья посмотрела на нее так грозно, что та быстрехонько спряталась за широкую спину Аграфены.

Мария почти каждый вечер стала заходить к Лукерье. Долгими часами они вспоминали Лешку. А в мечтах о свадьбе иногда разворачивали скатерть, в которую был завернут костюм, и подолгу смотрели на него.

Последнее письмо от сына Лукерье пришло в ноябре...

Погиб рядовой Алексей Волобуев, защищая Москву, чтобы ни одна бабонька в деревне

больше не боялась, что возьмут ее, столицу России.

Когда пришла похоронка, первые слова, какие сказала Лукерья, были о костюме:

— Так ни разу и не надел.

Мать не знала, что это были и последние слова ее сына. Больше она не открывала сундук, чтобы полюбоваться на костюм.

И вот долгожданная победа, выкованная подвигами сыновей и молитвами матерей. В деревню стали возвращаться кому было суждено остаться в живых. Зарождалась новая мирная жизнь.

— Тетка Лукерья, приходи к нам в субботу, — сказал Ванька Свиридов, проходя мимо колодца, где она набирала воду. — Свадьба у меня.

Лукерья Петровна молча кивнула, хотя знала, что не пойдет. Слово «свадьба» обожгло ее сердце. Никогда ей не женить своего Лешку.

— Тетка Лукерья, — постучался вечером к ней в дверь Ванька, — я чего пришел...

— Раз пришел, так говори.

— У Лешки костюм был. Помните?

Как ей не помнить?

— Тетка Лукерья... Лукерья Петровна, я понимаю, что... Но свадьба у меня...

У самой суровой на всю деревню женщины

вдруг хлынули слезы. Она наклонилась на стол и стала так рыдать, что у Ваньки подкосились ноги.

— Тетя Луша... — Он подошел к ней и робко положил руку на плечо. — Простите меня. Сдурю я так. Я ведь и в гимнастерке могу. Простите.

На следующий день Лукерья Петровна пришла в дом Свиридовых. В руках она держала сверток. Костюм жениху пришелся впору.

Потом играли свадьбу у Кривобородовых. Костюм жениху был большеват, но на это не обращали никакого внимания.

А потом у Разуновых, а потом у Ногаевых. И даже из соседних сел и деревень приходили за этим костюмом на свадьбу. Слух прошел по всей округе, что тот, кто женился в Лешкином костюме, живет счастливо, весело, с женой в ладах и детишки хорошие нарождаются.

— Не жалко костюма-то? — спросили как-то у Лукерьи бабы. — Память о Лешке все-таки.

— Так они все мои Лёшки. Вон у меня их сколько! — кивая на пробегающую ребятню, ответила Лукерья Петровна.

Говорят, в тех местах до сих пор женятся в Лешкином костюме и живут долго-долго и счастливо-счастливо.

□

Наталья Владимировна РОМАНОВА —

прозаик.

Родилась в селе Леуши Кондинского района Тюменской области.

Окончила Уральский государственный педагогический университет.

Училась в Литературном институте им. А.М. Горького.

Публикуется с 2009 года.

Награждена золотой медалью Пушкина

и золотой медалью Есенина

Академии русской словесности им. Г.Р. Державина.

Удостоена Международной литературной премии «Русский позитив», впервые учрежденной Российским фондом мира.

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

